

190 лет назад родился Александр Сергеевич Пушкин

Моск. правда. - 1989. - 6 июня.

«Края Москвы, края родные...»

— «Где родился Пушкин?» — с таким вопросом я обратилась накануне юбилея великого поэта к прохожим на центральных улицах Москвы. Пожилая женщина, как выяснилось, коренная москвичка: «В Ленинграде, бывшем Петербурге». Молодой мужчина, спешащий куда-то: «Конечно, в Михайловском! А вы не знали?». Юные выпускники столичной школы: «В Москве, кажется, в центре». Знакомый журналист: «В Москве, конечно. Но где, в каком месте?».

Что за этими краткими диалогами, которые я могла бы продолжить? Больные вопросы нашей культуры, горькие плоды школьного формального образования? Величавое творение Опекушина на Пушкинской площади стало выразительным символом Москвы. Воистину к нему проложена народная тропа. Но, как я снова убедилась, многие москвичи не знают, что на Бауманской улице у здания школы № 353, стоящей на месте дома, в котором 26 мая (6 июня) 1799 года родился великий поэт, уже давно установлен бюст юного Пушкина работы скульптора Е. Белашовой. Известному мастеру удалось передать романтический душевный склад подростка, который, как вспоминали знавшие его в отроческие годы, часто жил в мире фантазии, набрасывая свои мысли на бумаге везде, где мог. Глядишь на вдохновенное лицо юного Пушкина накануне его отъезда из Москвы в лицей и вспоминаешь:

С младенчества дух песен в нас горел,

И дивное волненье мы познали...

Радостно, что в конце мая у этого удивительного, но мало-

известного памятника прошел театрализованный пушкинский праздник. У входа в школу, которая названа именем А. С. Пушкина в память о месте рождения поэта, висит мемориальная доска. Но в последнее время известным исследователем Москвы С. Романюком были обнаружены в архивах документы, свидетельствующие о том, что дом, в котором родился великий поэт, находился здесь же, в Немецкой слободе, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка. Но находка эта требует еще официального подтверждения. А недалеко от места рождения поэта находится церковь Богоявления в Елохове (площадь Баумана, 15), в которой 8 июня 1799 года он был крещен. Родители поэта все время меняли дома, это было пристрастием матери Надежды Осиповны. Но сохранились только каменные палаты князя Юсупова в Большом Харитоньевском переулке, 21, — здесь, во флигеле дворца, одно время жила семья Пушкиных. Напротив дома Юсупова находился, принадлежавший ему огромный сад. Были здесь мраморные статуи, беседки, руины. Сюда маленький Пушкин ходил гулять с няней. В плане пушкинской автобиографии этот роскошный сад упоминается как первое забываемое впечатление детства. С воспоминанием о нем связано стихотворение «В начале жизни школу помню я». Один из современников вспоминал, что волшебные сады Черномора в поэме «Руслан и Людмила» написаны под впечатлением сада Юсупова.

Детство поэта было небогато событиями, но оно стало этапом в его самосознании. Близкий друг Пушкина П. Вяземский

считал, что «первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью». В гостях у отца Пушкина Сергея Львовича бывали Карамзин, Жуковский, Дмитриев, Батюшков. Ценные библиотеки отца и дяди были доступны будущему поэту. Тягу мальчика к литературе начинают замечать близкие и дядя Василий Львович, сам одаренный поэт. Отмечая его заслуги перед поэтом-племянником, советский литературовед Гроссман писал: «Он остается первым учителем Пушкина в поэзии — он поставил его голос». «Мой парнасский отец» — называл великий поэт своего дядю.

Маленький Пушкин посещал с Василием Львовичем вечера у графа Бутурлина — его дом, один из старинных московских домов, сохранился (Малая Почтовая улица, 2). Один из современников

Пушкина, Макаров, вспоминал об этих встречах: «Графиня... никак не хотела, чтобы он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек... почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтобы он написал для них хоть что-нибудь. Поэт-дитя смешался».

В этом же доме пророчески прозвучали слова губернатора Бутурлиных француза Жилле, сказанные им о маленьком Пушкине: «Чудное дитя! Как он рано все начал понимать! Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет!».

В детстве очень яркой и очень важной частью его жизни был театр. Из детства Пушкин вынес воспоминания о блестящей игре прославленной мадам Жорж и сопоставит их потом с игрой боготворимой им Семеновой. В детстве услышит оперы Сальери. Узнанные тогда имена оживут затем в «Маленьких трагедиях». А еще были рассказы бабушки со стороны матери Марии Алексеевны Ганнибал о далеком прошлом... Бабушка, по мнению сестры, оказала огромное влияние на него. Прекрасно зная русский язык, она учила ему внука. В эти же дни услышит он русские сказки крепостной няни Арины Родионовны. Как сильно отзовется этот сказочный мир в его творчестве!

И еще была «допожарная» Москва, с ее патриархальным колоритом, где все — родня, все — знакомые. Небольшие, уютные особняки утопали в зелени. Кремль был виден отовсюду. Маленький Пушкин совершал долгие прогулки по городу с крепостным дядькой Никитой Козловым. Часто заходили в Кремль, по крутой лестнице поднимались

на колокольню Ивана Великого, откуда открывалась панорама Москвы. Кремль, Красная площадь, Монетный двор, где когда-то в железной клетке сидел Пугачев, — все дышало историей. А на окраинах Москвы — древние монастыри. Как взволнованно будет позднее вспоминать о них поэт, уже вдали от родного города:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные

крестами,

Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.

В эти детские годы возникла та поэтическая любовь к Москве, то чувство родины, которое только окрепнет в разлуке. Недаром уже в лицее, который значил для него так много, на экзамене в присутствии самого Державина прозвучат воспоминания о московском детстве:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности

я тратил золотые,

Не зная горести и бед...

А в черновой редакции седьмой главы «Евгения Онегина» поэт признается:

В изгнание, в горести,
в разлуке —

Москва! Как я любил тебя,
Святая родина моя!

А уже в окончательной, седьмой главе «Евгения Онегина» Пушкин, делясь своей радостью от встречи с родным городом, страстной его детства, подымается до обобщения, символа:

Москва... как много в этом
звуке

для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Д. ЕНИКЕЕВА.